

И Э Р Г И М

НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ,
ДЕТКА

Мия Грэй

Не влюбляйся, детка

<https://litres.ru/74255662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера привыкла никому не доверять. После предательства бывшего она живёт по единственному правилу: никаких отношений, никаких обещаний, никаких чувств. Учёба, работа в модном баре, друзья и мечта открыть собственное кафе — вот её идеальная жизнь.

Но всё рушится в тот вечер, когда в бар входит Артём Волков. Двадцать четыре года. Красивый до неприличия. Наследник строительной империи.

Содержание

Глава 1. Правило номер один	4
Глава 2. Правило номер два: не верь	12
Глава 3. Правило номер три: держи дистанцию	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мия Грэй

Не влюбляйся, детка

Глава 1. Правило номер один

Стекло в руке было обжигающе холодным, почти до онемения пальцев. Лера смотрела на игру света в гранях высокого бокала, на то, как янтарная жидкость внутри него медленно оседает на стенках, оставляя маслянистый, дорогой след. Этот танец льда и виски всегда действовал на неё успокаивающе — в нём была какая-то обманчивая вечность, противопоставленная бешеному ритму зала, где каждый вечер сотни людей пытались залить тоску, радость или страх. Она вздохнула и поставила бокал на барную стойку, окинув взглядом привычный пейзаж. «Грейпфрут» гудел как разогнавшийся механизм — смесь джаза, приглушённого смеха, звона посуды и того особенного, неуловимого запаха дорогого парфюма, смешанного с карамельным дымом кальяна.

В свои двадцать два года Лера чувствовала себя старше, чем следовало. Она видела этот мир наизнанку, из-за стойки, где люди, снимая маски приличия, становились собой настоящими — уставшими, жадными, влюблёнными до безумия или до зубовного скрежета одинокими. Она знала цену каждому взгляду и каждому обещанию, потому что слишком хо-

рошо выучила этот урок на собственной горькой шкуре. Поэтому и жила по строгим, как хирургические инструменты, правилам. Никаких отношений. Никаких обещаний. Никаких чувств. Только учёба на последнем курсе, смена в баре, где она заслужила репутацию лучшего бармена, немногочисленные друзья, которые принимали её такой, какая она есть, и туманная, но такая тёплая мечта о собственном маленьком кафе.

Да, иногда по ночам, когда город за окном затихал, а в груди разрасталась та самая знакомая, тягучая пустота, Лера позволяла себе представлять, как в её заведении пахнет свежей выпечкой и молотым кофе, как на стенах висят хорошие картины местных художников, а по субботам приходит старушка, играющая на стареньком пианино. Это была та планка, которую она держала перед собой, чтобы не сорваться в очередной омут. И всё шло идеально ровно, предсказуемо и безопасно, пока в тот вечер тяжёлая дубовая дверь «Грейпфрута» не открылась, впуская клубы вечернего воздуха и человека, который с лёгкостью перечеркнул все её планы, одним своим присутствием.

Она даже не сразу его заметила — сначала уловила только волну, прошедшую по залу, какое-то шевеление в воздухе, почти физическое ощущение сменившейся атмосферы. А потом он появился в поле зрения, протискиваясь между столиками с той наглой, уверенной грацией, какая бывает только у людей, привыкших, что мир уступает им дорогу.

Высокий, одетый в идеально сидящий тёмный костюм без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей белой рубашки, открывающей смуглую кожу на шее. Его волосы, непослушные и тёмные, были чуть взлохмачены, словно он только что вышел из быстрой, дорогой машины. Но самым запоминающимся были глаза — тёмные, глубокие, с каким-то вызывающим, почти дерзким блеском, который, казалось, говорил: «Ну, давай, попробуй мне отказать».

Он сел за стойку напротив неё, и Лера почувствовала, как воздух вокруг стал плотнее, словно сгустился от напряжения. Она машинально отметила про себя, что он красив — до неприличия, той самой опасной, мужественной красотой, которая всегда сулит неприятности. Её палец сам собой, по привычке, легонько коснулся маленького серебряного кольца на правой руке — подарка матери, который она носила как талисман.

— Добрый вечер, — сказала она ровным, профессиональным тоном, пряча за вежливой улыбкой мгновенный сигнал тревоги, вспыхнувший в голове. — Что желаете?

Артём — а она уже поняла, кто перед ней, газеты и интернет пестрили его лицом — медленно, изучающе, словно она была картиной в галерее, провёл взглядом по её лицу, задержался на секунду на её длинных светлых волосах, собранных в небрежный, но стильный пучок, и на тени, которую отбрасывали её ресницы. Он не спешил отвечать. Он улыбнулся — той самой улыбкой, которую она видела на обложках свет-

ских журналов, самоуверенной и немного хищной.

— Сделайте мне «Олд фэшн». И сделайте его так, чтобы я запомнил этот вечер, — его голос оказался низким, с хрипотцой, которая вибрировала где-то в груди.

— «Олд фэшн» — классика, — Лера пожала плечами, не показывая, что его слова задели что-то внутри. — Обычно его не запоминают, его просто ценят. Но если вы настаиваете на впечатлениях, я могу добавить в него щепотку шалфея. Это не по рецепту, но вы кажетесь человеком, который любит нарушать правила.

Она специально бросила ему вызов, проверить его реакцию. Обычно такие, как он, не любят, когда им перечат. Но глаза Артёма опасно блеснули, и он подался вперёд, облокотившись о стойку так, чтобы она чувствовала его близость, исходящий от него запах терпкого одеколона и чистого, свежего ветра.

— Нарушать? — переспросил он с усмешкой. — Это вы сейчас пытаетесь меня прощупать, детка? Или вас просто заводит, когда мужчины просят чего-то особенного?

— Меня заводит только качественная работа и своевременная оплата счета, — парировала она, уже ловко орудуя ледяным кубом и толстой стеклянной пробкой для размещения. Её движения были отточенными, плавными и в то же время невероятно женственными. — А шалфей я кладу, потому что он хорошо сочетается с горькой настойкой. Баланс, понимаете? Вот это действительно искусство. Не вот это ва-

ше...

Она кивнула в сторону его запястья, где блеснули золотые часы, стоимостью, наверное, как её месячная зарплата.

— ...стремление доказать, что ты круче всех.

— Ого, — Артём откинулся назад и громко, искренне рас­смеялся. Этот смех прозвучал так неожиданно среди джазо­вых переливов, что несколько человек за соседними столи­ками обернулись. — Ты даже не представляешь, как мне это нравится. Все эти девицы вокруг... они боятся сказать лиш­нее слово. А ты прямо калёным железом выжигаешь. Как те­бя зовут?

— Лера, — ответила она, ставя перед ним готовый нап­иток, в котором мята и шалфей красиво кружили в янтарной глубине. — Ваш коктейль. Приятного аппетита.

Он взял бокал, но пить не стал, просто повертел его в ру­ках, глядя на игру света, а потом снова уставился на неё. В этом взгляде было столько откровенной, неприкрытой за­интересованности, что Лера невольно поёжилась под кожей. Она видела этот тип мужчин — они всегда берут, что хотят, и бросают, когда игрушка надоедает.

— Лера, — повторил он её имя, пробуя его на вкус, смакуя каждую букву. — Красивое имя. Чистое. Не врут же люди, когда говорят, что имя определяет судьбу. Ты тоже хочешь быть верной? Или, может быть, тебе просто везёт, что ты не попала в плохие руки?

— Свои руки я оцениваю как «хорошие», — холодно от­

резала она, начиная протирать бокалы, чтобы занять руки. — А чужим предпочитаю не доверять. Это правило номер один.

— Правило номер один, — хмыкнул он, делая глоток. Его глаза на секунду прикрылись, а по лицу пробежала тень истинного удовольствия. — Чёрт, а ведь ты действительно знаешь своё дело. Отлично. И какое у тебя правило номер два?

— Не влюбляйся, детка, — выпалила она, сама удивившись своей дерзости. В баре у неё никогда не было такого, чтобы она позволяла себе подобные фамильярности с гостями, но этот мужчина провоцировал её каждой клеткой своего существа. — Не влюбляйся и не верь красивым словам. Они обычно пустые.

Артём поставил бокал на стойку и наклонился так близко, что она видела отражение собственных глаз в его тёмных зрачках. От него пахло горьковатой кожей и чем-то свежим, почти хвойным.

— А что, если красивые слова — это единственное, что у меня есть? — спросил он шёпотом, но в этом шёпоте слышался стальной стержень. — Что, если я хочу тебя, Лера? И не в том смысле, чтобы просто трахнуть и забыть. А в том, чтобы ты стала той, кто будет варить мне кофе по утрам и говорить, что я идиот, когда я опять влезу в авантюру. Ты даже не представляешь, как я устал от этих овцеобразных, которые только и ждут, чтобы ты их заметил. А ты... ты не заметила. Ты смотрела на меня как на мебель.

— Потому что ты мебель, Артём Волков, — она бросила ему в лицо его фамилию, и он не удивился, только шире улыбнулся. — Дорогая, красивая, но мебель. Не более. Я вас не знаю, и знать не хочу.

Она уже хотела повернуться и уйти за барную стойку подальше от него, чтобы перевести дух, но он схватил её за запястье. Не больно, но решительно, заставляя замереть.

— А что, если я предложу тебе сделку? — тихо, почти мурлыча, сказал он. — Не как мужчина женщине. Как человек человеку. У меня есть проблемы, Лера. Огромные, грязные проблемы, из-за которых я не могу спать по ночам. И мне нужно, чтобы рядом был кто-то, кто не спит по ночам, кто живёт по правилам. Кто не верит в мои красивые слова. Ты идеальна. Ты бармен, ты видишь людей насквозь. Ты не боишься говорить правду. Ты мне нужна. Не как игрушка. Как, — он запнулся, ища слово, — как якорь. Помоги мне, и я помогу тебе. Деньги? Ресурсы? Ты говорила что-то про кафе. Я могу это сделать.

Лера застыла, чувствуя, как его горячие пальцы обжигают её холодную кожу. Она смотрела в его глаза, и впервые за долгое время ей показалось, что она видит не маску, а что-то настоящее — усталость, отчаяние и странную, почти детскую просьбу о помощи. Все её инстинкты кричали «беги», но внутри, там, где жила та самая пустота, вдруг что-то ёкнуло. Он предлагал то, о чём она не могла и мечтать — возможность открыть своё дело без долгов, без унижительных

кредитов. Но цена...

— Ты серьёзно? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это шантаж? Или что?

— Нет, — он отпустил её руку и допил свой «Олд фэшн» одним глотком. — Это приглашение в игру, Лера. Ты по правилам, я по правилам. Никакой любви, никаких чувств, только взаимная помощь. Слово Волкова. И, — он усмехнулся, вставая и бросая на стойку купюру, в разы превышающую стоимость заказа, — я не взял твой номер, хотя мог бы. Если хочешь — найдёшь меня. Завтра в это же время. Если нет... я пойму.

Он развернулся и, не оборачиваясь, вышел, оставляя за собой шлейф своего дорогого одеколона и недоумения. Лера смотрела на дверь, которая медленно закрывалась за ним, чувствуя, как её сердце колотится о рёбра с такой силой, что грозит разорвать грудную клетку. Она ненавидела себя за то, что не смогла отказать сразу. Она ненавидела его за то, что он, словно вирус, проник в её отлаженный, спокойный мир. И больше всего она ненавидела то, что в глубине души, там, где жила её мечта о том самом маленьком кафе с выпечкой и пианино, что-то отозвалось на его слова. Правило номер одно, которое она так бережно хранила, дало трещину.

Глава 2. Правило номер два: не верь

Ночь после его ухода стала бесконечной. Лера закрыла бар в половине третьего, но даже не думала о сне. Она стояла у окна своей маленькой съёмной квартиры на восьмом этаже, глядя на ночной город, который переливался огнями витрин и редкими фарами запоздавших такси, и пыталась вытравить из головы его голос, его запах, его глаза. Купюра, которую он бросил на стойку, лежала сейчас на её кухонном столе — слишком большая даже для щедрых чаевых, почти вызывающая. Она уже несколько раз порывалась выбросить её, но рука не поднималась. Не потому, что ей были нужны деньги — нет, просто этот жест был настолько демонстративным, что Лера чувствовала себя запертой в клетке его правил.

Она заварила себе мятный чай, села в кресло, поджав ноги, и уставилась в пустоту. Её пальцы нервно теребили цепочку старого серебряного кулона, который она носила на шее — единственная вещь, оставшаяся от бабушки, женщины с железным характером, которая когда-то научила её, что доверять можно только себе. «Лера, девочка моя, — говорила бабушка, глядя на неё своими мудрыми карими глазами, — люди как река: сегодня она несёт тебя по течению, завтра — топит. Держись за свой берег». И она держалась. Че-

тыре года, после того как её бывший, Кирилл, тот самый, с которым она жила два года и которому отдала всю свою наивность, просто исчез из её жизни, оставив после себя лишь долги за съёмную квартиру и пустоту в груди, она держалась. Больше никаких «дорогих», никаких «я тебя люблю», никаких обещаний на утро.

Но сейчас, сидя в тишине, она ловила себя на том, что образ Артёма не уходит. Он был другим. Не таким, как Кирилл, который умел красиво говорить, но всегда говорил только о себе. Артём говорил о ней. Он заметил её правила. Он сказал, что она — его якорь. И, чёрт возьми, в этом была какая-то жуткая правда, от которой внутри всё переворачивалось. Он не клялся в вечной любви, не рассыпался в комплиментах. Он просто сказал: «Ты мне нужна». И это было страшнее любых признаний.

Лера не спала до самого утра, ворочаясь в постели и прокручивая его слова, как пластинку с заедающей иглой. Работа, учёба, бар — всё вдруг показалось серым и ненастоящим. Её руки помнили тяжесть его взгляда, её уши всё ещё слышали его низкий, чуть хриплый голос, произносящий её имя. И самое ужасное — она знала, что пойдёт. Не потому, что он был наследником строительной империи. Не потому, что он был красив, богат и опасен. А потому что в его словах звучала честность той степени, которая бывает только у людей, отчаявшихся просить о помощи. Она узнала этот звук — у неё самой он иногда просыпался глубокой ночью, когда

пустота в груди становилась невыносимой.

В десять утра она уже стояла у дверей «Грейпфрута», хотя смена начиналась только вечером. Охранник, пожилой дядька Николай, который знал её уже два года, удивлённо приподнял бровь, но не стал спрашивать — он привык, что Лера иногда приходит раньше, чтобы подготовиться к особо сложным заказам. Сегодня она пришла с одной целью — убедиться, что вчерашнее было не сном. Она проверила стойку, пересчитала бутылки, начисто протёрла уже и так сияющее стекло. Время тянулось медленно, как патока.

И ровно в семь вечера, когда солнце только начинало клониться за горизонт, заливая зал багряным светом, в дверях снова возник он. На этот раз без костюма — в чёрной рубашке с закатанными рукавами, открывающими сильные предплечья с едва заметными венами, и в джинсах, сидевших на нём как влитые. Он выглядел более небрежным, почти обычным, но от этого только опаснее. Казалось, он сбросил внешнюю броню и теперь был готов показать что-то настоящее.

Лера стояла за стойкой с бесстрастным лицом, но внутри у неё всё дрожало, как струна. Он подошёл, сел напротив и не сказал ни слова. Просто смотрел на неё, и в этом молчании было больше диалога, чем в любых длинных речах.

— Ты пришла, — наконец произнёс он, и в его голосе не было торжества — только тихое, почти робкое удивление. — Я боялся, что ты не придёшь. Думал, ты слишком умная для этого.

— Я пришла не потому, что умная, — ответила она, скрепив руки на груди. — А потому что мне нужны ответы. Ты сказал про сделку, про кафе, про проблемы. Если ты мне лгал, просто скажи, и я уйду. У меня нет времени на игры.

Артём глубоко вздохнул, провёл рукой по своим непослушным волосам, и на его лице появилась усталая гримаса, которая совершенно не вязалась с образом дерзкого мажора из глянца. Он посмотрел на неё так, как будто решал, стоит ли открываться до конца.

— Я не лгу, Лера. Сейчас, по крайней мере. Но если ты хочешь знать правду, давай не здесь. Пошли в кабинет, там хотя бы не орёт этот джаз.

Она колебнулась всего секунду, но потом кивнула и жестом показала на дверь за стойкой — небольшую комнату, которая служила складом и её убежищем. Артём поднялся, и она повела его за собой, чувствуя на спине его взгляд, обжигающий кожу. Они вошли в тесное помещение, заставленное коробками с сиропами и бутылками, и она закрыла за ним дверь. Теперь они стояли друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки, и воздух между ними потрескивал от напряжения.

— Говори, — сказала она, стараясь не смотреть в его глаза.

— Ты знаешь, кто я. Волковы — строительная империя, состояние, которое тянется с девяностых. Мой отец построил всё на крови и грязи, это ни для кого не секрет. Я вырос

в золотой клетке, с гувернантками, с закрытыми школами, с правилами, где «нельзя» — это приказ, а «можно» — только то, что одобрено. И я ненавидел это. Поэтому в семнадцать я сбежал, начал гонять по ночным трассам, зависать с плохой компанией. Ты, наверное, читала обо мне в газетах — скандалы, девушки, гонки... — он усмехнулся, но усмешка получилась горькой. — Так вот, два года назад я влез в одну историю. Мой друг детства, Пашка, — он мотнул головой, как будто отгоняя неприятное воспоминание, — подставил меня. Он сфабриковал документы, чтобы списать на меня какой-то контракт, который его семейка провалила. Отец тогда чуть не лишил меня наследства, но я отмазался. Думал, что это конец. Но нет.

Он замолчал, и Лера заметила, как его челюсть сжалась, а на скулах заиграли желваки.

— Неделью назад Пашка объявился снова. Сказал, что у него есть компромат на отца. Что-то, что может разрушить репутацию всей нашей империи. Он потребовал пять миллионов евро и полное молчание за то, чтобы уничтожить все бумаги. Если я не заплачу, он всё сольёт в прессу и в прокуратуру. Отец не знает. Если я скажу ему, он просто убьёт Пашку или сядет сам. Я не хочу ни того, ни другого. Но у меня нет доказательств, что Пашка врёт. Я не могу доверять никому из своего окружения — там все продажные, все связаны с отцом или с врагами. Мне нужен кто-то вне системы. Кто-то, кто не возьмёт денег за стукачество, кто не побежит

к папе с докладом, кто просто... просто поможет мне разобраться, правда там или нет. А для этого мне нужно, чтобы этот кто-то присутствовал на переговорах с Пашкой. Чтобы он видел его, слышал его, чувствовал его ложь. Ты, Лера. Ты читаешь людей как открытую книгу. Я видел это вчера — ты просканировала меня за три секунды и вынесла вердикт. Ты не дала себя провести. Ты идеальна.

Лера слушала его, затаив дыхание. Её сердце колотилось где-то в горле. Она видела, что он говорит правду — в его глазах блеснула влага, а пальцы рук, которые он сжал в кулаки, дрожали. Это был не спектакль. Это была агония человека, который привык всё контролировать, но сейчас стоял на краю.

— И ты думаешь, что я соглашусь? — спросила она тихо, почти шёпотом. — Ты хочешь втянуть меня в это дерьмо? В шантаж, в деньги, в твои семейные разборки? Зачем мне это?

— Потому что ты хочешь открыть кафе, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Я сделаю это за тебя. Я сниму помещение, я куплю оборудование, я обеспечу тебя всем стартовым капиталом. Без процентов, без долгов. Чистый дар. Ты просто будешь со мной рядом на нескольких встречах. Ты будешь моим свидетелем, моей совестью, моим барометром. Как только я разберусь с Пашкой — я уйду из твоей жизни. Ты больше никогда меня не увидишь. Мы даже не будем друзьями. Просто сделка.

Она смотрела на него, и внутри неё боролись две силы. Одна кричала: «Это безумие! Это тот же обман, только в другой упаковке! Ты же обещала себе, что никогда никому не будешь нужна!» Другая, более тихая, но настойчивая, шептала: «А что, если это твой шанс? Шанс вырваться из этого бара, из вечных смен, из мыслей о том, что ты никогда не соберёшь деньги даже на аренду? Он предлагает тебе мечту. За простое присутствие. И ты знаешь, что он не врёт — ты чувствуешь это».

— А что, если я не захочу исчезать? — вдруг вырвалось у неё, и она сама удивилась этому вопросу. — Что, если я буду нужна тебе дольше, чем ты думаешь?

Артём замер. Его взгляд стал глубже, темнее, и он медленно шагнул к ней, почти касаясь плечом.

— Тогда ты нарушишь своё правило номер два, — сказал он, и его голос стал низким, вибрирующим, опасным. — «Не влюбляйся». Но я не попрошу тебя об этом. Я прошу только о помощи. И, чёрт возьми, Лера, я никогда не был так честен с женщиной, как сейчас с тобой. Ты мне действительно нужна. Не как украшение, не как трофей. Как человек, который не даст мне утонуть в этой грязи.

Лера выдержала его взгляд. Время вокруг остановилось. Она слышала, как за стеной бьются стаканы, как играет саксофон, как кто-то смеётся — но всё это было далеко. Здесь, в этой тесной комнате, остался только он, её страх и её мечта.

— Хорошо, — сказала она, чувствуя, как слова обжига-

ют губы. — Я согласна. Но у меня есть свои условия. Ты делаешь это официально — я хочу документ, что помещение и оборудование переходят в мою собственность после того, как я выполню свою часть. И никаких близких отношений. Ни поцелуев, ни прикосновений, ни намёков. Ты — мой работодатель, я — твой консультант. Только деловой этикет. Иначе я уйду в любой момент.

Она ждала, что он начнёт торговаться, но Артём просто кивнул, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение, смешанное с восхищением.

— Договорились, — сказал он и протянул ей свою широкую ладонь. — Твоя рука — сделка закреплена. Никаких чувств, только бизнес. Но знаешь, Лера, — он усмехнулся одними уголками губ, — самое опасное в сделках — это когда начинаешь верить, что они безопасны.

Она пожала его руку, чувствуя жар его кожи, и внутри неё разлилось странное, тревожное тепло. Она только что подписала себе приговор, но почему-то улыбалась. Потому что впервые за четыре года она перестала быть одинокой. И это было страшнее любых компроматов.

Глава 3. Правило номер три: держи дистанцию

Первый рабочий день в качестве «консультанта» Артёма Волкова начался с того, что Лера проспала. Она вскочила в восемь утра, когда солнечный свет уже вовсю заливал комнату, и с ужасом поняла, что её телефон разрывается от звонка. На экране высветился незнакомый номер, но она сразу догадалась, кто это. Собрав волосы в небрежный хвост и натянув первую попавшуюся футболку, она ответила на звонок, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Доброе утро, — раздался из трубки низкий, хриплый со сна голос Артёма. — Надеюсь, ты не передумала. Я уже у твоего подъезда. Мой водитель ждёт. У нас встреча с Пашкой через час, и мне нужно, чтобы ты была там.

— Ты серьёзно? — выдохнула Лера, выглядывая в окно и действительно замечая внизу чёрный внедорожник с тонированными стёклами. — Мы же договаривались, что я буду просто присутствовать. Откуда такая спешка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.